УДК 39

ББК 63.5

DOI 10.31554/2222-9175-2020-37-77-83

Е. В. Прищепа

РАЗВИТИЕ ЖИЛИЩА И УСАДЬБЫ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ В XVIII–XX вв.

Статья посвящена изучению и описанию традиционного жилища и усадьбы русских старожилов Хакасско-Минусинского края в XVIII–XX вв. В исследовании рассматриваются специфика развития и бытования разных типов жилищ и особенности их интерьера. Особое внимание автор уделяет отдельным конструктивным особенностям усадьбы и жилища, как привнесенным, так и приобретенным в ходе их исторического развития в регионе.

Ключевые слова: жилище, изба, русские старожилы, Хакасско-Минусинский край.

Е. V. Prishchepa

DEVELOPMENT OF THE HOUSING OF RUSSIAN OLD-TIMERS OF THE KHAKASS-MINUSINSK REGION IN 18TH – 20TH CENTURIES

The article is devoted to the study and description for the traditional house of the Russian old-timers of Khakass-Minusinsk region in the 18th – 20th centuries. The study considers specifics of the development and existence of different types of housing and peculiarities of their interior. The author pays special attention to the various construction features of these housings, both introduced and acquired during their historical development in the region.

Keywords: housing, izba, Russian old-timers, Khakass-Minusinsk region.

История возникновения поселений пришлого населения Хакасско-Минусинского края (далее – ХМК) относится к последней четверти XVII – началу XVIII в. и связана с постройкой здесь казацких поселений в форме укрепленных форпостов и острогов, имевших защитные функции. Впоследствии, в середине XVIII в., в их близи или непосредственно на их месте вырастали новые многодворные села и крестьянские деревни, рядом с которыми располагалась пашня и пасся скот. В последующее время происходит обживание новых мест и складывание единого комплекса жилых и хозяйственных сооружений у старожильского населения ХМК, который отражал этнические традиции, уровень развития хозяйства и соответствующие природные условия.

Основные элементы севернорусского жилища (поморского типа) прослеживаются в сибирском жилище уже в XVII в. благодаря его широкому распространению среди переселенцев с русского севера. Отмечено, что основным традиционным для русских старожилов ХМК жилищем в XIX в. была трехкамерная связь, восходящая к жилищу русских Сибири XVII в. [Верник 2005: 62]. Основой такого дома

была клеть – четырехугольный сруб, с высокой крышей на самцах (по-амбарному). Крыша была дощатой, как и полы в доме. Окна в избе располагались высоко, обязательно возводился подклет. Хозяйственное помещение дома, где жила семья, стояла русская печь, где готовили пищу, называлось избой (или: изба – первая комната в доме или кухня). В целом термин «изба» в ХМК обозначал бревенчатый дом из одной комнаты. Внутренняя планировка пространства дома предполагала его деление на избу, горницу и сени: «...большие сквозные сени разделяют избу от горницы» [Пейзын 1903: 310]. Или: «Сквозные сени разделяют дом на две половины. С одной стороны приспешная изба, с другой рундук, т. е. на возвышении четырех-пяти ступеней горница, разделенная перегородкою» [Степанов 1835: 105]. Данный тип постройки в домостроительстве имеет название «изба-связь». Парадным помещением была горница. Сени строили теплые. Вход в дом шел через крыльцо с окнами без стекол галерейного типа. Его обшивали тесом. Заходили в дом через сени, а дверь располагалась к «солнцу». Проемы дверей были низкие, а порог высокий. Причем входную дверь, как и уровень полов в доме, старались разместить как можно выше от земли [1].

Путешественники, побывавшие в ХМК, оставили этнографические описания обычных жилищ населения дореформенного периода XIX в.: «Форма домов старинной постройки большей частью продолговатая, с высокой крышей, покрытой тесом и от времени заросшею мхом и травой. В них окна маленькие, прорубленные высоко, почти под самую крышу (рис. 1). Внутреннее расположение комнат произвольное. Во всяком случае изба, где живет семья и приготавливаются кушанья, отделена от горницы. Фасад такого дома выходит на двор или улицу; перед домом большое высокое крыльцо, вроде галереи, обшитой кругом тесом с тремя окнами без стекол. Иногда к старому дому пристраивается в длину другой дом, и тогда все строение представляется в виде длинного сарая, в котором одна часть дома выше, другая ниже, так что кажется, будто дом повалился на одну сторону и угрожает скорым разрушением. Двери в домах низкие. Это общая черта всех крестьянских домов в Сибири» [Пейзын 1903: 310]. Подобное жилище в конструктивном отношении являлось наиболее распространенным типом и соответствовало природно-климатическим условиям субрегиона.

В генезисе трехкамерного жилища, распространенного в быту русского населения Енисейского уезда XVII в., представлявшего собой рубленную «в угол» конструкцию, состоящую из избы, сеней и клетки, последние из которых по большей части не имели потолка, но обязательно были покрыты дранью, в последующее время уже происходят изменения. Если в конце XVII в. замена неотапливаемой клетки только намечалась, то в первой половине XIX в. неотапливаемая клеть была за-

Рис. 1. Изба-связь, старая часть г. Минусинска. Фото из фондов Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова (ф. 116-31)

менена у старожилов вторым теплым помещением – горницей [Александров 1964: 162, 167]. Изба-связь к середине XIX в., как наиболее широко распространенный в их среде тип жилища, претерпевает значительные улучшения, связанные с рационализацией конструктивных строительных приемов и в целом конструкции жилища, адаптированной к природным условиям края.

Крестьянский двор был продолжением и составной частью собственно жилища, с ним связывалась значительная часть повседневной жизни хозяев и других членов семьи. Основным типом двора у восточносибирских крестьян принято считать крытый, в котором хозяйственные постройки располагались по принципу «одной крыши». Постройки стояли слитно друг к другу, «по периметру», группировались ближе к дому. Особенностью крытого двора было то, что под этой кровлей находился и сам дом. Эта особенность обустройства двора определялась устойчивыми традициями народного зодчества, что проявлялось в единых строительно-художественных принципах возведения зданий и в общей системе расположения построек, основанной на необходимости удовлетворения потребностей крестьянина. К 30-м гг. XIX в. относятся сведения Н. Щукина, посетившего Минусинский округ и оставившего упоминание о планировке усадьбы крестьян, представляющей собой передний и скотный дворы [1856: 12–13]. Данная градация пространства усадьбы старожила-чалдона подробно описана у этнографа А. А. Верника. Усадьба была разделена на две функциональные половины: «чисту» (людску, передний двор) и «скотску» (скотный двор) [2005: 66]. Данные номинации в полной мере отражают их функциональное назначение.

На чистом дворе находился как сам дом, так и срубные амбары, как правило, под двухскатной самцовой крышей с деревянным полом. У зажиточных крестьян амбары были двухэтажные, галерейные, с лестницей, соединяющей этажи. В этой же части находились навесы (поднавесы), где хранились дрова, хозяйственные припасы и располагался погреб. Погреб имел вид сруба, углубленного в землю. Сверху его закрывали накатом бревен и засыпали землей. Входом служило отверстие с крышкой. На чистом дворе находилась завозня – навес с деревянными воротами, где хранили повозки, сани, конскую сбрую и сельскохозяйственный инвентарь. В пространстве чистого двора размещалась «избушка-стряпушка», без сеней, с печью, используемая летом для приготовления пищи, а зимой для содержания телят, ягнят и домашней птицы. Скотский двор (скотный, задний двор) включал в себя стойки, сараи, хлев, конюшни, стоявшие по периметру и соединявшиеся заплотом [Там же: 66–67]. При возведении хозяйственных построек применяли срубную и столбовую технику постройки. Хозяйственные постройки в чистом и скотном дворе возводили из нетолстых бревен.

Хозяйственная часть строений старожилов стояла по обе стороны дома и выглядела следующим образом: «Из сеней выход вел во двор, в котором помещался скот, домашняя птица, здесь же складывалось сено, солома и дрова. На переднем дворе устроены амбары и кладовые, на заднем – сараи и конюшни. Далее за сараями и хлевами шел огород и баня [Пейзын 1903: 314]. Бани строили, как правило, в отдалении по причине того, что они часто горели [I–III]. Подобное описание Г. Пейзына характеризует усадьбу замкнутой трехрядной планировки: дом, который делил площадь двора на две половины – чистый двор и скотный двор, подробно описанные нами выше. Однако в первой четверти XIX в. для юга Приенисейского края Енисейской губернии, по свидетельству ее губернатора А. П. Степанова, крытые дворы уже «очень редко случаются», но все они «почти обнесены плотным или редким забором, низким или высоким, бревенчатым или дощатым, а иногда решеткой» [1835: 104]. Открытый тип двора был характерен для южных и среднерусских

губерний России, когда дворовые постройки располагались по периметру двора и составляли замкнутое, открытое в центре пространство. Открытый двор характерен также и для казачьих селений [Русские 2008: 218, 219].

В поселениях ХМК в середине XIX в. часто можно увидеть дома старой и новой постройки. Различие последних состоит только в новой архитектуре и фасаде дома, причем эти дома снаружи и внутри более соответствуют городским строениям, чем сельским, напоминая загородные дачи. Некоторые дома новой постройки имеют аналогичное домам старой постройки расположение комнат. Но дома новой постройки более разнообразны по архитектуре. В Минусинском округе домов новой постройки множество. Наружная форма таких домов более квадратная, с низкими крышами [IV] [Пейзын 1903: 314].

Г. Пейзын отмечал, что крестьяне не придерживаются постоянных строительных традиций и строят дома «самой затейливой и, можно сказать, фантастической архитектуры» [Там же]. Фасад дома новой постройки выходил на обширный двор и имел от 3 до 5 окон на улицу. Окна и карнизы были украшены резьбой и иногда яркими красками. Крыльцо, большое и глухое, расположено в дворовой части жилища. Сени делят жилище на две части, или прямо с крыльца вход ведет в переднюю и далее в большие, светлые комнаты, которых бывает от 3 до 7: «зал, гостиная, небольшая комната вроде буфета, спальня (она же жилая комната) и, наконец, изба, где готовят кушанья». Стены обшивали тесом или штукатурили [V]. Окна были большие, стеклянные [Там же: 315]. Видимо, дома новой постройки в Минусинском округе, описываемые Г. Пейзыном, есть свидетельство вхождения в быт и распространения домов-пятистенков у населения края.

Ворота в усадьбе были двухпольные, располагались в одну линию с домом, т. е. жилище одной стеной было обращено в сторону улицы. Над входной дверью в усадьбу (калиткой) и воротами обычно сооружали двухскатный навес-крышу [I].

Окна оформлялись наличниками и одно-двухстворчатыми ставнями. Во второй половине XIX в. ставни были еще одностворчатыми, украшенными геометрическим или растительным орнаментом [Верник 2005: 64].

На территории ХМК получили распространение дома, типологически восходящие к трехкамерной связи. Распространение таких домов было более массовым и типичным в старожильческих населенных пунктах ХМК в XIX в. [Там же: 62]. Позднее под влиянием строительных традиций переселенцев типология жилых помещений у населения края меняется. В XX в. уже встречались крестовые дома (круглые) с внутри пересекающимися под прямым углом стенами [I, III] и дома-пятистенки (из двух комнат) [III]. Многокамерные жилища – крестовые дома явились результатом усложнения планировки жилищ у чалдонов ХМК в конце XIX в. Этнограф А. А. Верник считает, что «крестовый дом» для старожилов означал фактически любое многокамерное жилище вообще, которое имело несколько внутренних перегородок и четырехскатную стропильную крышу, а не привычное типологическое крестообразное деление внутреннего пространства жилища на четыре части [2005: 65]. Действительно, особенностью «домов старинной постройки», о которых писал Г. Пейзын, было то, что внутреннее расположение комнат было произвольным, а достаточно четким было только отделение избы (где живет семья и готовят кушанья) от горницы (комната для гостей, «только за недостатком помещения спят в ней взрослые дочери») [1903: 310, 313].

Более широкое распространение на рубеже XIX–XX вв. в Хакаско-Минусинском крае получили именно дома-пятистенки. Подобный тип жилища имел определенное распространение среди старожильского населения ХМК уже в середине XIX в. Вероятно, его появление было связано с более экономным расходованием

материала для строительства при сохранении прежней функциональности жилого пространства дома.

К концу XIX в. в связи с усложнением планировки жилища начинает практиковаться обмазка стен глиной [VI] и их побелка. Данная процедура связана с необходимостью большего утепления дома (рис. 2). В указанный период распространяются новые материалы, совершенствуется их обработка. Новые и наиболее рациональные строительные и конструктивные приемы служили причиной дальнейшего развития русского традиционного жилища в крае.

Строительство жилища предполагало его тщательное утепление. Избы русские жители конопатили таежным мхом («мшили»), мох прокладывали на зиму между оконными рамами, он хорошо впитывал сырость и «держал тепло» [II].

Особенностью строительства русской избы в ХМК было то, что окнами и фасадной стороной дом был обращен к солнцу. «Дом строй так, чтобы солнце всходило и закатывалось в одном окне» [II]. Ориентация окон домов по ходу движения солнца соответствует линейной застройке улицы, когда дом образовывал одну линию с воротами. Однако позднее эта особенность не стала правилом.

Крыши домов старожилы крыли тесом или дранью. Широкое распространение имели крыши самцовые. В целом крыши строили четырехскатные [VII] и двускатные. Двускатные крыши (по-амбарному) [VIII] были характерны и для жилых построек, но большей частью стали использоваться для построек хозяйственных [I, III]. Возведение крыши (кровельные работы) требовало особых умений, поэтому прибегали к традиции помочей [III]. С распространением у старожилых крестовых домов стали делать стропильные четырехскатные крыши (см. рис. 1).

Большое внимание во внутренней обстановке жилища русских ХМК играли характеристики чистоты и опрятности (рис. 3).

Чистота и опрятность являлась характерной чертой для жилых домов сибиряков-старожилых, часто служа сравнительным критерием. Русские старожилы, отличающиеся особым отношением к чистоте, практиковали скобление ножом стен, лавок и полов, чистили стены снаружи в канун больших праздников [IX].

Женская половина жилища имела залавок (располагался в кути вдоль стены возле печи) – ящик для хранения посуды, по стенам висели полки с различными принадлежностями хозяйки. В избе обычно висел угловой шкаф с посудой, которую использовали на праздники [Верник 2005: 65].

Рис. 2. Дом Солдатов, г. Минусинск, ул. Обороны. Построен в XVIII в. (вероятно, в 1740–50(?) гг.). Снесен в 1960-х гг. Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова (г. Минусинск) (МКМ ФР Н 223-148). Фото Ф. Абабкова. 1963 г.

Рис. 3. Интерьер крестьянской избы. В центральной части – зыбка. Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское». 2010 г. Фото автора

Между печью и стеной избы был расположен сделанный из досок настил-голубец, который использовался для лежания, сушки обуви, хранения хозяйственных принадлежностей. Его расписывали красками. Под голбцом располагался вход в подпол [I, IX].

Красный угол считался самым почетным в избе. Он располагался по диагонали от печи. Напротив красного угла стоял стол с лавками, стол покрывали скатертью. Место хозяина избы было под иконами [IX]. Обязательны были полаты, используемые для спанья, и сундуки с одеждой. Полы застилались домоткаными половиками. Из кедра («кедры») изготавливали сундуки, шкафы, кровати, ложки и другие предметы многочисленного домашнего обихода [I].

Таким образом, наибольшее распространение среди русского старожильского населения в ХМК получили срубные жилища северорусского типа: изба-связь (трехкамерный дом) в XVIII–XIX вв., дом-пятистенки (двухкамерный дом) и крестовый дом (многокамерный дом) середины XIX–XX вв.

Изба срубного типа являлась частью жилищно-хозяйственного комплекса, включающего сам дом, хозяйственные постройки (амбары, кладовые, сараи, конюшни, хлев, колодцы, погреба, летнюю кухню, навесы), баню (стоявшую отдельно или часто вне усадьбы), огород, обширный двор. Распространение крытого двора у старожилов относится к XVIII в., для XIX в. уже фиксируется его замена на открытый. Расположение хозяйственных построек внутри усадьбы по периметру соответствовало усадебно-жилищным традициям поселения северной лесной половины Восточно-Европейской равнины. Использование срубных построек предполагало широкое использование для строительства леса.

Адаптация жилища северорусского типа в XVIII в. к новым природно-географическим особенностям ХМК не привела к потере его значимых конструктивных элементов. Процесс развития жилища старожилов продолжился в XIX в. в условиях появления новых конструктивных особенностей жилища и изменения планировки усадьбы. Меняется типология русских жилищ, происходят изменения в его интерьере.

Развитие традиционного северорусского жилища в ХМК у русских старожилов привело к продолжению линии эволюции традиционного русского жилища с его локальными особенностями. Так, в процессе генезиса произошло увеличение размеров окон, более быстрым оказался переход к избам, отапливаемым по-белому (печи с трубами). Фасадной стороной дом всегда располагался по ходу движения солнца, что явилось выражением в объектах материальной культуры ментальных характеристик сибиряков. Особенностью жилища являлась чистота как внутри, так и снаружи избы. Значимым моментом в бытовании жилищ старожилов стало изменение типологии жилищ: от избы-связи, имевшей широкое распространение в XIX в., состоялся переход к избам-пятистенкам и крестовому дому. Рубеж XIX–XX вв. и последующее время знаменовались изменениями в интерьере жилища и в планировке его усадьбы, что явилось результатом влияния южнорусских традиций в связи с возросшим притоком в край переселенцев.

Автор выражает благодарность Минусинскому краеведческому музею им. Н. М. Мартынова (г. Минусинск, Россия) за возможность использования в работе фотоматериалов из его фондов.

Примечания

I. Полевые материалы автора. Терских Андрей Павлович (1935–2006). Родился: Красноярский край, Краснотуранский р-н, с. Беллык (старый). Проживал: Хакасия, Усть-Абаканский р-н, с. Зеленое, русский, образование – 6 классов.

II. ПМА. Калачов Александр Гаврилович, 1919 г. р. Родился: Красноярский край, Шушенский р-н, с. Каптырево, русский, образование – 3 класса.

III. ПМА. Обручев Андрей Парфенович, 1922 г. р. Родился: Красноярский край, Краснотуранский р-н, с. Кортуз, проживал: Красноярский край, Краснотуранский р-н, с. Беллык, русский, образование – 7 классов.

IV. Что, на наш взгляд, более соответствует дому-пятистенку.

V. Мы видим, что данная традиция существовала в дореформенное время, хотя традиционно приписывается переселенческой культуре.

VI. Обычай русских старожилов покрывать внутренние стены жилища белой глиной, как у южнорусских жилищ, отмечал А. П. Степанов [1835: 106].

VII. Такая крыша была характерна для круглого или крестового дома [Словарь русских говоров... 1988: 76].

VIII. Способ покрытия крыши в два ската, как в амбарах [Там же: 277].

IX. ПМА. Чешко (Обручева) Васса Парфеновна, 1918 г. р. Родилась: Краснотуранский р-н, с. Кортуз, проживала: Красноярский край, Краснотуранский р-н, с. Беллык, русская, образование – 3 класса.

Литература

Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край) / В. А. Александров. – М.: Наука, 1964. – 304 с.

Верник А. А. Традиционная культура русских старожилов Хакаско-Минусинского края (вторая половина XIX – начало XX в.) / А. А. Верник. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2005. – 228 с.

Пейзын Г. Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии (из путевого журнала 1857 года) / Г. Пейзын // Живая старина. Вып. 3. – СПб., 1903. – С. 297–357.

Русские: история и этнография / под ред. И. В. Власовой и В. А. Тишкова. – М.: АСТ: Олимп, 2008. – 751 [1] с.

Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 448 с.

Степанов А. П. Енисейская губерния. Ч. II / А. П. Степанов. – СПб.: Типография К. Вингебера, 1835. – 139 [3], XIV с.

Щукин Н. Минусинский округ / Н. Щукин // ЖМВД. – 1856. – Ч. XVIII. – СПб.: Типография МВД. Кн. 5. – С. 1–26; кн. 6. – С. 27–58.

References

Aleksandrov V. A. Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v. (Enisejskij kraj) / V. A. Aleksandrov. – M.: Nauka, 1964. – 304 s.

Vernik A. A. Tradicionnaya kul'tura russkikh starozhilov Hakassko-Minusinskogo kraya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) / A. A. Vernik. – Krasnoyarsk: Sibirskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2005. – 228 s.

Pejzyn G. Etnograficheskie ocherki Minusinskogo i Kansкого округов Enisejskoj gubernii (iz putevogo zhurnala 1857 goda) / G. Pejzyn // Zhivaya starina. Vyp. 3. – SPb., 1903. – S. 297–357. Russkie: istoriya i etnografiya / pod red. I. V. Vlasovoj i V. A. Tishkova. – M.: AST: Olimp, 2008. – 751 [1] s.

Slovar' russkikh govorov yuzhnyh rajonov Krasnoyarskogo kraya. – 2-e izd., pererab. i dop. – Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1988. – 448 s.

Stepanov A. P. Enisejskaya guberniya. Ch. II / A. P. Stepanov. – SPb.: Tipografiya K. Vingebera, 1835. – 139 [3], XIV s.

Shchukin N. Minusinskij okrug / N. Shchukin // ZhMVD. – 1856. – Ch. XVIII. – SPb.: Tipografiya MVD. Kn. 5. – S. 1–26; kn. 6. – S. 27–58.